
**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
АДЫГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.
В УСЛОВИЯХ ВХОЖДЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ¹**

З.Я. Емтыль

Кафедра истории, политологии и социальных коммуникаций
Кубанский государственный технологический университет
ул. Московская, 2, Россия, Краснодар, 350072

В статье выявляются направленность, содержание и формы общественно-политической деятельности национальной интеллигенции в условиях трансформации системы общественных связей адыгского народа, связанной с включение Северного Кавказа в состав Российской империи с целью определения роли национальной интеллигенции в процессе инкорпорации региона в российское геополитическое пространство. Делается вывод о том, что хотя основным содержанием общественной деятельности национальной интеллигенции было повышение гражданского и политического статуса адыгского народа в системе российского государства, она играла объективно позитивную роль во «вписании» Северного Кавказа в российское социально-политическое пространство.

Ключевые слова: Российская империя, адыги, национальная интеллигенция, национальное самоопределение, национальное самосознание.

Введение

Обоснование темы исследования. Для современного этапа развития исторического знания характерен поворот в историографии, связанный со стремлением к отходу от традиционных подходов к изучению интеллигенции и концентрации внимания не столько на истории развития интеллигенции, выявлении ее социального, профессионального состава, сколько на движении идей в среде интеллигенции, влияющих на состояние и развитие общества.

Одним из перспективных направлений углубления отечественной историографии интеллигенции является раскрытие ее многообразия и сложного устройства. В этой связи изучение истории интеллигенции отдельных регионов и национальных групп приобретает особое научное значение.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта научных исследований («Роль национальной интеллигенции в инкорпорации Северного Кавказа в российское геополитическое пространство в конце XIX в. – 20-е гг. XX в. (по материалам адыгских народов)»), проект 14-11-23007 (Региональный конкурс «Северный Кавказ: традиции и современность»).

Исследование деятельности адыгской интеллигенции в особой исторической ситуации, связанной с резкими изменениями среды функционирования, позволяет выявить типологию явления, задающую в историческом познании параметры специальной модели деятельности интеллигенции, свойственной численно незначительным этносам, существующим в рамках полиэтнических, поликонфессиональных государственных образований.

Обзор литературы. В отечественной историографии существует достаточно длительный опыт изучения истории интеллигенции народов Северного Кавказа в целом [1]. Однако сложившиеся в отечественной исторической науке подходы не позволяют в полной мере исследовать ее многогранную историю. Исследовательские акценты расставлены таким образом, что в центре научного внимания, как правило, оказываются вопросы, связанные с формированием интеллигенции, анализом ее социальной и профессиональной структуры, политики государства в отношении интеллигенции, в то время как важные вопросы, связанные с внутренними импульсами развития интеллигенции как социокультурной группы, ее общественной деятельности, оказываются менее разработанными. Интеллигенция по сложившейся в советской историографии традиции исследуется, главным образом, как объект, а не субъект социального действия. Обнаруживается и некоторое теоретическое отставание исследований по данной теме от общего теоретического уровня освоения подобных проблем в общей историографии российской интеллигенции.

Непосредственно история адыгской интеллигенции только начала свое оформление в самостоятельную исследовательскую тему. В современной историографии постепенно происходит процесс осмысления исторического прошлого адыгской интеллигенции, начинается формирование проблемного поля ее исследования [2].

Цель и задачи исследования. В статье предполагается выявить направленность, содержание и формы общественно-политической деятельности национальной интеллигенции в условиях трансформации системы общественных связей адыгского народа, связанной с включением Северного Кавказа в состав Российской империи, с целью определения роли национальной интеллигенции в процессе инкорпорации региона в российское геополитическое пространство. Это позволит расширить исследовательское поле и создаст условия для более полной реконструкции сложной истории интеллигенции вообще и адыгской в частности. Более того, исследование проблемы позволит осмыслить субъектную сторону процесса инкорпорации региона в российское геополитическое пространство.

Исследование проблемы

Историческая динамика «переходов», характерных для конца XIX – начала XX в., связанная с ней трансформация системы общественных связей определила рост политической активности адыгской интеллигенции и по-

ставила перед ней задачу переоценки ценностей, духовного синтеза, способствующего осознанию народом не только своего этнокультурного своеобразия, но и специфичности национальных потребностей и интересов. Интеллигенция пыталась не только осмыслить сложные вопросы, связанные с организацией общественной жизни своего народа, но и предпринимала практические шаги по их решению.

Процесс формирования ценностно-ориентированной основы общественно-политической деятельности национальной интеллигенции в этот период определялся историческими условиями существования адыгского народа. Расселение адыгов на протяжении столетий в зоне активного политического, межкультурного взаимодействия с Османской и Российской империями, а со второй половины XIX в. включение в состав России предопределяла тот факт, что содержание и направленность общественно-политической деятельности зарождавшейся национальной интеллигенции в значительной степени определялись ролью внешних факторов. Специфика феодально-патриархального уклада жизни народа, наличие национально-колониального гнета обусловила характер общественно-политической деятельности интеллигенции: произошло смещение акцента в сторону защиты национальных, политических прав своего народа, его культуры.

Следует отметить, что этот период характеризовался в целом усилением национального движения на окраинах Российской империи. Естественно, что адыгская интеллигенция оказывалась под влиянием этих идей. Представители национальных элит выдвигали требования от национально-культурного до национально-территориального самоопределения. Постановка проблемы культурного самоопределения была одной из наиболее умеренных форм решения национального вопроса. Некоторые либеральные представители российской общественности, видя неспособность решения национального вопроса силовыми методами и стремясь сохранить «державность России», стали признавать национально-культурное самоопределение как наиболее оптимальный вариант решения национального вопроса [3].

Однако при обсуждении национального вопроса в российских правительственных и общественных организациях имелись в виду наиболее крупные национальные группы Российской империи. Решение вопроса ставилось в прямую зависимость от «значения» народа и «от степени его преобладания» [4].

Представители адыгской интеллигенции хорошо понимали, что национальное самосохранение адыгов зависит от правового статуса этого народа в российском государстве. Особое внимание они обращали на тот факт, что обещания и льготы, данные царским правительством по окончании Кавказской войны, не нашли своего практического воплощения. Вместо того, чтобы «позаботиться о поднятии благосостояния адыгов, о культивировании этого народа в среде других народностей», правительство взяло курс на «искоренение покоренной нации» [5].

Проблема политического бесправия адыгского населения на протяжении нескольких десятилетий оставалась одной из наиболее острых. Она не только обуславливала социально-политическое напряжение, провоцируя переселенческое движение адыгов в конце XIX – начале XX в., но и, как подчеркивал С. Сиюхов, вызывала равнодушие и безразличие к политическим вопросам и происходившим событиям [6]. Особое внимание уделялось сложившейся системе «управления» адыгами. Так, проанализировав ее, Б. Шарданов пришел к малоутешительному выводу, что в системе административного управления участие горцев допускалось лишь на низшей ступени [7].

В этих условиях особое значение приобретала позиция интеллигенции, стремившейся привлечь внимание властей и широкой общественности к проблеме политического бесправия народа. Ставился вопрос о представительстве адыгов в органах административного управления всех уровней и в окружных судах. Большие надежды связывались с Манифестом 17 октября 1905 г., объявившем о намерении предоставить места в Государственной думе представителям национальных окраин. Национальная интеллигенция надеялась, что свободно выбранные представители народа смогут заявить о своих нуждах, «смело обнажить те раны и болезни, которыми страдает народ» [8].

Однако Положение о выборах в I Государственную думу (февраль 1906 г.) на Кавказ не распространялось. Лишь в августе 1906 г. царским указом были утверждены «Особые правила о выборах в Думу, составленные с изъятиями из положения о выборах в империю» [9], но адыги, как и другие северокавказские народы, не получили права иметь своего депутата в Думе. Стало совершенно очевидно, что интересы адыгов могут и должны отстаивать выходцы из этого народа, а не «русский казак, который и во сне не видел, что такое священный адат» [10].

Серьезное внимание обращалось на тот факт, что российские власти не продумали тактику отношений с горцами, в результате адыги не только не привлекались к управлению (не считая аульских старшин), но зачастую на административных должностях оказывались люди, нисколько не интересовавшиеся и не знавшие истории, культуры и нужд адыгов. Вполне понятна обеспокоенность Б. Шарданова, писавшего: «Нельзя ко всем иметь общую мерку. Если азиата устрашает сила репрессий, то к черкесу эту мерку нельзя применить. Загляните к нему глубже в душу, дайте ему почувствовать, что вы его любите, и вы с ним сделаете все» [11].

Важнейшей составной частью гражданских и политических прав личности является свобода вероисповедания. Поэтому не случайно, что именно этот вопрос оказался предметом особого внимания. Тем не менее, до настоящего времени эта проблема не получила должного освещения в исследованиях по истории адыгского просветительства. Анализ источников и историографии позволяет с полным основанием утверждать, что религиозно-национальное движение адыгского народа в начале XX в. вышло на качественно новый уро-

вень, вобрав в себя идеи религиозно-национального движения мусульманских народов Российской империи.

Участие адыгской интеллигенции в религиозно-национальном движении мусульманских народов наиболее ярко проявилось в деятельности по изданию журнала «Мусульманин», выходявшего в Париже с 1908 г.

Чтобы по достоинству оценить роль журнала в общественной жизни мусульман России, достаточно обратиться к выдвинутым редакцией программным положениям, нашедшим отражение в передовых статьях. Одним из главных мотивов создания «Мусульманина» стало стремление объединить усилия интеллигенции. «...Мы, вкусившие настоящую цивилизацию и сумевшие разобраться в ее хороших и дурных сторонах, – писал Ю.К. Ахметуко, – почитаем своим святым долгом поделиться приобретенными знаниями с нашим благородным, но малосведущим народом» [12]. Успех журнала вдохновил его главного редактора на издание в 1911 г. в Санкт-Петербурге газеты «Мир мусульманства».

Одно из центральных мест на страницах этих изданий занимали проблемы ислама, с ним связывалось развитие национальных культур и прогресс мусульманских народов Российского государства. Издания активно пропагандировали идеи союза мусульман. Нежелание властей считаться с религиозными чувствами горцев, по мнению издателей, обостряло межнациональные отношения, создавало ощущение, «что Россия только для православных» [13].

Предметом особого внимания интеллигенции стало отсутствие на Северо-Западном Кавказе средних духовных учебных заведений, в то время как возможности получения духовного образования за пределами региона были более чем ограниченными [14]. Не менее важное значение имело, по мнению интеллигенции, выделение духовенства в специальное «организационное ведомство, признанное правительственной санкцией, с определенным положением, правами и преимуществами» [15]. Однако приходилось констатировать, что со стороны правительства и властей мусульманское духовенство еще не получило ни внимания, ни признания, ни прав [16].

Северный Кавказ в качестве региона распространения ислама был официально подчинен Оренбургскому Магометанскому духовному собранию с центром в Уфе. Однако его влияние было номинальным. Реально же конфессиональный контроль в регионе осуществляла местная администрация [17].

Адыгская интеллигенция стремилась преодолеть сложившееся положение. Наиболее значительным шагом в этом направлении стало проведение в 1908 г. в Екатеринодаре «совещания духовенства и представителей мусульман Кубанской области, которое указало на ряд ненормальностей, существующих в управлении духовными делами магометан области», проистекающих из-за фактического отсутствия высшего магометанского духовного управления. В результате Совещание постановило желательным расширить полномочия кадиев горских словесных судов и признать высшей духовной ин-

станцией для мусульманского населения области собрание кадиев горских словесных судов [18].

После обсуждения этих решений мусульманами Терской области к уже принятым решениям под влиянием прогрессивного крыла мусульманской интеллигенции были добавлены две просьбы, дополнявшие и развивавшие постановления представителей мусульман Кубанской области. Выражалась необходимость скорейшего создания на Северном Кавказе мусульманского духовного правления и учреждения во Владикавказе на средства казны мусульманской духовной семинарии для подготовки мулл с преподаванием предметов мусульманской религии и светских наук на арабском и родном языках [19].

Однако правительство, пытаясь противостоять объединению мусульман на религиозно-национальной почве, отказалось от создания высших магометанских учреждений в тех местностях, которые не знали такого управления. Вплоть до революции 1917 г. адыгское мусульманское духовенство существовало, по определению С. Сиюхова, как нравственно-религиозная каста, подчиненная общей администрации, «испытывая полную неопределенность, в крайне зависимом и обидном положении» [20].

Ущемление гражданских и политических прав стимулировало такое своеобразное демографическое явление, как махаджирство конца XIX – начала XX в. К сожалению, в работах по этой проблеме не было исследовано отношение адыгской интеллигенции к этому процессу. Между тем для нее была совершенно очевидна политическая и социальная значимость прекращения переселения адыгов.

Прекрасно понимая, что к переселению их толкают, главным образом, бедность и произвол русского чиновничества, интеллигенция старалась предостеречь своих соотечественников от этого опрометчивого шага, отмечая, что какие бы не были чиновники на Кавказе, «но самый бесчестный из них лучше “турецкого”...» [21]. В целом комплексе публицистических работ предпринимались попытки раскрыть негативную роль Турции в судьбе переселенцев с Кавказа. Отмечалось, что обещания, данные Турцией, оказались лишь обещаниями, в действительности же тысячи «молодых жизней оказались погребенными в голодных песках Малой Азии» [22].

Учитывая то обстоятельство, что основная масса адыгов была безграмотна, особую роль приобретала непосредственная пропаганда среди масс адыгского народа. Большая работа в этом направлении была проделана Б. Пачевым. Собрав обличительные письма адыгов-переселенцев, он ходил по аулам, зачитывал их на сходках с тем, чтобы рассеять миф о «райской жизни» в султанской Турции [23]. В начале XX в. подобная разъяснительная работа приобретала особую значимость в связи с тем, что многие прогрессивные мусульманские деятели связывали большие надежды с социально-политическими изменениями в Турции. В противовес им Д.-Г. Хатакокор и другие обра-

зованные адыги высказывали убеждение, что в новой Турции ничего не изменится в смысле положения адыгов [24].

Несогласие с политической и социальной дискриминацией адыгов в Российской империи, с одной стороны, и критика надежд, возлагаемых на единую Турцию, с другой, неизбежно приводили к мысли о необходимости определения своего отношения к включению региона в состав Российского государства. Развенчивание «турецкого рая» сопровождалось пропагандой единой родины, воспитанием патриотических чувств [25]. «Раньше всего необходимо установить раз и навсегда, – писал Ю.К. Ахметуко, – что мы, русские мусульмане, стремимся к мирным целям и считаем Россию нашей Родиной» [26].

В советской историографии на основе подобных высказываний сложилась точка зрения, что светски образованная часть адыгского общества считала прогрессивным вхождение адыгов в состав российского государства. Однако этот прямолинейный вывод не отражал всей сути их позиции. Их про-русская ориентация не вызывает сомнения, но она в определяющей степени исходила из учета политических, экономических и культурных перспектив этого союза, была предопределена пониманием конкретных исторических реалий.

Интеллигенция не имела иллюзий в отношении государств, боровшихся за влияние в этом регионе. Господству отсталой в социально-экономическом и политическом плане Турции основная часть интеллигенция предпочитала власть «русского царя», веря в то, что только Россия способна вывести адыгский народ в полосу «радостной жизни» [27]. Речь шла не просто об ориентации на Россию, а о трезвой оценке сложившейся обстановки, рациональном выборе пути будущего развития [28]. Еще большую убежденность в правильности такого выбора придавал негативный опыт махаджиров в Турции, попирающие не только национальных и политических прав, но и человеческого достоинства. Разуверились адыги и в намерениях европейских стран. «Помните, – подчеркивалось в обращениях к народу Д.-Г.Хатакокор, – что европейцы пользуются нами как темной силой» [29].

Не скрывая настороженных отношений, сложившихся в годы Кавказской войны между адыгским и русским народами, многие считали необходимым оставить в стороне исторические счеты. «Раз судьба связала русских и горцев, – писал С. Сиюхов, – то требуется выработать “modus vivendi” – формулу жизни, взаимные отношения, приличествующие двум бывшим достойным врагам» [30].

Отстаивание национально-политических прав народа не являлась единственным направлением общественно-политической деятельности интеллигенции. Годы обучения в известных учебных заведениях России, общение с мыслящими людьми, знакомство с передовыми общественными идеями и теориями побуждали их к осмыслению проблем социально-политического характера, формированию демократического и либерального мировоззрения.

В советской историографии в большей степени исследовалась политическая деятельность адыгской интеллигенции, стоявшей на позициях социал-демократии и близких к ней. Отчасти это объясняется как конъюнктурными установками, так и тем, что политические взгляды этой группы интеллигенции отличались относительной оформленностью и более органично «вписывались» в марксистскую методологию.

В центре внимания демократически настроенной интеллигенции были тяжелые социально-экономические условия жизни народа, сочетавшиеся с национальным гнетом. Интеллигенцию, симпатизирующую социал-демократии, отличала умеренность, отсутствие радикализма, свойственного русской социал-демократии, практически никто из нее не находился в открытой оппозиции правительству. Наряду с социал-демократическими идеями распространение получали либеральные буржуазно-демократические идеи.

К сожалению, современная наука располагает скудными сведениями относительно буржуазно-демократического движения в регионе. Фрагментарное освещение эта тема нашла лишь в исследованиях по истории революционно-демократического движения.

Тем не менее, имеющиеся в распоряжении источники и литература позволяют сделать вывод о том, что осмысление социально-политических вопросов в среде буржуазно-демократически настроенной интеллигенции велось по широкому кругу проблем. Главным образом их требования сводились к уравниванию в правах местной буржуазии с русской и ликвидации наиболее грубых форм национального угнетения. «Мы стремимся к тому, – отмечал В. Гаджимуков, – чтобы нас признали за людей, простерли бы и на нас все свободы и дали бы нам полную возможность отстаивать те или иные наши интересы» [31].

Различия социально-политической ориентации интеллигенции не приводили к нарушению ее относительной однородности: главную общественно-политическую задачу она видела не в социальной борьбе, а в борьбе за национальное самосохранение. Интеллигенция, в основной своей массе, считала ненужным вовлечение народа в революционное движение, направляя его усилия на решение «малых дел» просвещения и культурного развития [32]. Основная задача виделась в сохранении и развитии социокультурного единства народа. Подчеркнутая аполитичность интеллигенции сохранялась вплоть до революционных событий 1917 г., которые потребовали выработки четких идейных и ценностных ориентиров. Интеллигенция, «втягиваясь», не всегда по своей воле, в дискуссии по острым политическим и социальным вопросам, вынуждена была определить общественные позиции, решительно высказывая собственное мнение.

Выводы

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что содержание, направление и формы общественно-политической деятельности интеллигенции определялись сложными социально-политическими условиями жизни адыгов, в которых приоритетное значение приобрела задача самосохранения и самоутверждения адыгского российского народа в системе российской государственности. В данных исторических обстоятельствах происходила этнизация сознания интеллигенции, усиливалась эмоциональная сила восприятия этнической принадлежности.

Учитывая жесткое культурно-идеологическое давление со стороны Российской империи и отсутствие соответствующего уровня политического, социального и культурного признания, первостепенное значение для интеллигенции приобретало создание таких условий, в которых бы возможно было самосохранение адыгского народа и развитие специфики его национальной жизни. При этом характерной особенностью общественно-политической деятельности интеллигенции являлось то, что, как правило, она не приводила к прямой оппозиции во взаимоотношениях с властью и объективно способствовала «вписанию» адыгов в социально-политическую систему российского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] *Эфендиев А.-К.И.* Формирование советской интеллигенции в Дагестане (1920–1940). Махачкала, 1962; *Хачиров А.О.* О формировании осетинской интеллигенции. Орджоникидзе, 1964; *Бекижеев М.М.* Формирование социалистической интеллигенции у народов Северного Кавказа (1917–1941 гг.). Черкесск, 1978; *Каймаразов Г.Ш.* Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. М., 1988; *Чацарина О.М.* Вопросы формирования национально-технической интеллигенции на Северном Кавказе // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. Майкоп, 1994. С. 179–192 и др.
- [2] *Кумыков Т.Х.* Начало формирования национальной учительской интеллигенции // *Кумыков Т.Х.* Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX века. Нальчик, 1996. С. 282–304; *Емтыль З.Я.* Адыгская интеллигенция: формирование и деятельность в исторической динамике конца XIX в. начала 30-х гг. XX в. Краснодар, 2010; и др.
- [3] О правах наций и о децентрализации: Доклад бюро съезду земских и городских деятелей 10–15 сентября 1905 г. и постановления съезда. М., 1906.
- [4] Там же. С. 164.
- [5] *Шарданов Б.* Забытый народ // Кубань. Екатеринодар, 1906. № 76.
- [6] *Сиюхов С.* Воскресшие из мертвых // Сефербий Сиюхов – адыгский просветитель. Майкоп, 1991. С. 127.
- [7] *Шарданов Б.* Черкесы. Забываемый народ // Кубань. Екатеринодар, 1906. № 117.
- [8] *Он же.* Черкесы. Забытый народ // Кубань. Екатеринодар, 1906. № 76.
- [9] История народов Северного Кавказа (конец XIX в. – 1917 г.). М., 1988. С. 457.

- [10] *Цей И.* Горе интеллигент / Архив АРИГИ. Ф. 1. П. 122. Д. 9.
- [11] *Шарданов Б.* Забытый народ // Кубань. Екатеринодар, 1906. № 76. С. 10.
- [12] Мусульманин. Париж, 1908. № 1. С. 2.
- [13] Там же. С. 289.
- [14] *Ахметуко Ю.* О нашем духовенстве // Мусульманин. Париж, 1910. № 10. С. 222;
Сиюхов С. По поводу вероучительских курсов // Кубанская школа. Екатеринодар, 1915. № 4.; *Он же.* На новый год // Сефербий Сиюхов – адыгский просветитель. С. 103.
- [15] *Сиюхов С.* На новый год // Сефербий Сиюхов – адыгский просветитель. С. 102.
- [16] Там же.
- [17] *Нефляшева Н.А.* Традиции и власть (по материалам Адыгеи конца XIX – 20-х гг. XX в.). Дис. ... канд. истор. наук. Майкоп, 1997. С. 77.
- [18] *Кабардей П.* Духовно-религиозные нужды мусульман Терской и Кубанской областей // Новая Русь. СПб., 1910. № 109.
- [19] Там же.
- [20] *Сиюхов С.* На новый год // Сефербий Сиюхов – адыгский просветитель. С. 102.
- [21] *Он же.* Положение черкесов в Турции // Мусульманин. Париж, 1908. № 1. С. 6.
- [22] *Он же.* Мухаджиры (к вопросу положения переселенцев) // Мусульманин. Париж, 1908. № 2. С. 45.
- [23] Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX вв. С. 80.
- [24] *Хатакокор Д.-Г.* Турция для турок // Мусульманин. Париж, 1908. № 2. С. 31.
- [25] *Хакуашев А.* К вопросу об идейных позициях М. Хаджетлаше и журнала «Мусульманин» // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX вв. Нальчик, 1976. С. 234.
- [26] *Ахметуко Ю.* Мысли вслух // Мусульманин. Париж, 1910. № 15. С. 331.
- [27] *Цей И.* В сумерках // Архив АРИГИ. Ф. 1. П. 124. Д. 42.
- [28] *Гугов Р.* Русско-кавказские отношения в трудах адыгских и балкаро-карачаевских общественных деятелей XIX – начала XX века // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX века. С. 133.
- [29] *Хатакокор Д.-Г.* Мухаджирский вопрос в Турции // Мусульманин. Париж, 1911. № 2. С. 66.
- [30] *Сиюхов С.* Не меч, а мир // Сефербий Сиюхов – адыгский просветитель. С. 72.
- [31] Черкесское собрание // Кубанский курьер. Екатеринодар, 1917. 14 марта. С. 3.
- [32] *Хакуашев А.Х.* К вопросу об идейных позициях М. Хаджетлаше и журнала «Мусульманин» // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX века. С. 227.

REFERENCES

- [1] Efendiev A.-K. I. *Formirovanie sovetskoy intelligentsii v Dagestane (1920–1940)* [The formation of the Soviet intelligentsia in Dagestan (1920–1940)]. Makhachkala, 1962; Khachirov A.O. *O formirovanii osetinskoy intelligentsia* [About the formation of Ossetian intelligentsia]. Ordzhonikidze, 1964; Bekizhev M.M. *Formirovanie sotsialisticheskoy intelligentsii u narodov Severnogo Kavkaza (1917–1941 gg.)* [Formation of the socialist intelligentsia among the peoples of the North Caucasus (1917–1941)]. Cherkessk, 1978; Kaymarazov G.Sh. *Formirovanie sotsialisticheskoy intelligentsii na Severnom Kavkaze* [Formation of the socialist intelligentsia in the North Caucasus]. Moscow,

- 1988; Chashcharina O.M. Voprosy formirovaniya natsional'no-tekhnicheskoy intelligentsii na Severnom Kavkaze. *Severnyy Kavkaz: vybor puti natsional'nogo razvitiya* [The North Caucasus: choosing the path of national development]. Maykop, 1994, pp.179–192, etc.
- [2] Kumykov T.Kh. Nachalo formirovaniya natsional'noy uchitel'skoy intelligentsia. *Kultura, obshchestvenno-politicheskaya mysl' i prosveshchenie Kabardy vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [Culture, political thought and education of Kabarda in the second half of the 19th century and early 20th century]. Nal'chik, 1996, pp. 282–304; Emtyl' Z.Ya. *Adygsкая intelligentsiya: formirovanie i deyatel'ost' v istoricheskoy dinamike kontsa XIX v. nachala 30-kh gg. XX v.* [The Adyghe intelligentsia: formation activity in the historical dynamics of the late 19th century and early 20th century]. Krasnodar, 2010, etc.
- [3] *O pravakh natsiy i o detsentralizatsii: Doklad byuro s"ezdu zemskikh i gorodskikh deyatel'ey 10–15 sentyabrya 1905 g. i postanovleniya s"ezda* [Of the rights of the nation and decentralization: Report of the Bureau of the Congress of rural and urban affairs on the 10–15 of September in 1905 and decisions of the Congress]. Moscow, 1906.
- [4] Ibid., p. 164.
- [5] Shardanov B. Zabytyy narod. *Kuban' – [Kuban']*. Ekaterinodar, 1906, no. 76.
- [6] Siyukhov S. Voskresshie iz mertvykh. *Seferbiy Siyukhov – adygskiy prosvetitel'* [Seferby Siyuhov – the Adyghe educator]. Maykop, 1991, p. 127.
- [7] Shardanov B. Cherkesy. Zabyvaemyy narod. *Kuban' – [Kuban']*. Ekaterinodar, 1906, no. 117.
- [8] Ibid., no. 76.
- [9] *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XIX v. – 1917 g.)* [The history of the people of the North Caucasus]. Moscow, 1988, p. 457.
- [10] ARIGI, f. 1, op. 122, d. 9.
- [11] Shardanov B. *Kuban' – [Kuban']*. Ekaterinodar, 1906, no. 76, p. 10.
- [12] *Musul'manin* [Muslim]. Paris, 1908, no. 1, p. 2.
- [13] Ibid., p. 289.
- [14] Akhmetuko Yu. O nashem dukhovenstve. *Muslim – [Muslim]*. Paris, 1910, no. 10, p. 222; Siyukhov S. Po povodu verouchitel'skikh kursov. *Kubanskaya shkola – [School of Kuban]*. Ekaterinodar, 1915, no. 4; Siyukhov S. Na novyy god. *Seferbiy Siyukhov – adygskiy prosvetitel'* [Seferby Siyuhov – the Adyghe educator], p. 103.
- [15] Siyukhov S. Na novyy god. *Seferbiy Siyukhov – adygskiy prosvetitel'* [Seferby Siyuhov – the Adyghe educator], p. 102.
- [16] Ibid.
- [17] Neflyasheva N.A. *Traditsii i vlast' (po materialam Adygei kontsa XIX – 20-kh gg. XX v.) Dis. ... kand. istor. nauk* [Traditions and authority of the 19th century and early 20th century. Dis. ... PhD in history]. Maykop, 1997, p. 77.
- [18] Kabardey P. Dukhovno-religioznye nuzhdy musul'man Terskoy i Kubanskoy oblastey. *Novaya Rus' – [New Rus']*. St.-Petersburg, 1910, no. 109.
- [19] Ibid.
- [20] Siyukhov S. *Na novyy god*, p. 102.
- [21] Siyukhov S. Polozhenie cherkesov v Turtsii. *Musul'manin – [Muslim]*. Paris, 1908, no. 1, p. 6.
- [22] Siyukhov S. Mukhadzhiry (k voprosu polozheniya pereselentsev). *Musul'manin – [Muslim]*. Paris, 1908, no. 2, p. 45.
- [23] *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' adygov, balkartsev i karachaevtsev v XIX – nachale XX vv.* [Social political thought of Adyghe, Balkar and Karachai people in the 19th century and early 20th century]. Nal'chik, 1976, p. 80.
- [24] Khatakokor D.-G. Turtsiya dlya turok. *Musul'manin – [Muslim]*. Paris, 1908, no. 2, p. 31.

- [25] Khakuashev A. K voprosu ob ideynykh pozitsiyakh M. Khadzhetlashche i zhurnala «Musul'manin». *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' adygov, balkartsev i karachaevtsev v XIX – nachale XX vv.*, p. 234.
- [26] Akhmetuko Yu. Mysli vslukh. *Musul'manin – [Muslim]*. Paris, 1910, no. 15, p. 331.
- [27] ARIGI, f. 1, op. 124, d. 42.
- [28] Gugov R. Russko-kavkazskie otnosheniya v trudakh adygskiikh i balkaro-karachaevskikh obshchestvennykh deyateley XIX – nachala XX veka. *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' adygov, balkartsev i karachaevtsev v XIX – nachale XX veka*, p. 133.
- [29] Khatakorkor D.-G. Mukhadzhirskiy vopros v Turtsii. *Musul'manin – [Muslim]*. Paris, 1911, no. 2, p. 66.
- [30] Siyukhov S. Ne mech, a mir. *Seferbiy Siyukhov – adygskiy prosvetitel'*, p.72.
- [31] Cherkesskoe sobranie. *Kubanskiy kur'er – [The Kuban Courier]*. Ekaterinodar, 1917, March, 14, p. 3.
- [32] Khakuashev A.Kh. K voprosu ob ideynykh pozitsiyakh M. Khadzhetlashche i zhurnala «Musul'manin». *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' adygov, balkartsev i karachaevtsev v XIX – nachale XX veka*, p. 227.

**TOPICAL ISSUES OF SOCIAL AND POLITICAL ACTIVITIES
OF ADYGHE INTELLIGENTSIA IN LATE XIXTH – EARLY XXTH CENTURIES
UNDER CONDITIONS OF NORTH CAUCASUS INCLUSION
IN RUSSIAN EMPIRE**

Z.Ya. Emtyl

Department of History, Politology, and Social Communication
Kuban State Technological University
Moskovskaya St., 2, Krasnodar, Russia, 350072

The article gives the content and forms of the public and political activities of the national intelligentsia in the transformation of the public relations of the Adyghe. It is concluded that although the main content of the social activities of the national intelligentsia was the rise of the civil and political status of the Adyghe people within the system of the Russian state, it played a really positive role in the incorporation of the North Caucasus into the Russian social and political space.

Key words: Adyghe, national intelligentsia, national self-determination, national self-consciousness.